От общих разговоров «в самом … туманном смысле слова» до «крайне сомнительной политической благонадежности». Сестры Смидович в информационных баталиях революционеров

From general conversations "in the most ... vague sense of the word" to "extremely questionable political reliability." Sisters Smidovich in information battles of revolutionaries

Аманжолова Д.А.

D.Amanzholova

На примере эпизодов из биографий сестер Смидович рассматриваются некоторые аспекты информационной борьбы революционных политических сил России конца XIX – начала XX вв. Выделены характерные способы использования коммуникативных и организационных ресурсов в политическом соперничестве, некоторые факторы вовлечения женщин в революционное движение.

On the example of episodes from the biographies of the sisters Smidovich, some aspects of the information struggle of the revolutionary political forces of Russia at the end of the 19th and the beginning of the 20th centuries are considered. Characteristic ways of using communicative and organizational resources in political rivalry, the some factors of involving women in the revolutionary movement, are singled out.

Ключевые слова: Революция, женщины, информация, пропаганда, политическая борьба

Key wods: *Revolution, women, information, propaganda, political struggle*

Как известно, в российское революционное движение конца XIX – начала XX вв. приходили представители разных сословий, и дворяне не были исключением. Особенно активно включались в политическую жизнь молодые люди. Быстрая капиталистическая модернизация со всеми ее успехами и проблемами, вместе с нараставшей политизацией

общественной жизни, ростом противоборства власти и оппозиции, популярность идей социализма и благородной борьбы за народные нужды, интеллектуальное общение со сверстниками и старшими товарищами, постоянное чтение и осмысление новейших произведений великих писателей, художественные новинки (реалисты-передвижники, модернисты, кинематограф и т.д.) – все это создавало уникальный и благодатный культурный контекст. Лучшие для каждого студенческие времена многие будущие участники политической борьбы проживали в условиях бурных общественных дискуссий, укрепления рыночной экономики, технических изобретений, становления земства и гражданского самоопределения российской интеллигенции, уникальных открытий великих ученых, преподававших в университетах страны и создавших атмосферу уважения общества и власти к науке. Мечтая о вселенской справедливости, такие студенты считали неприличным не быть в курсе научных новаций, не интересоваться политикой, не участвовать в общественной деятельности (подготовка и обсуждение рефератов, демонстрации, сбор подписей и пожертвований, журналистика и пр.). Интеллигенция именно в эти годы интенсивно осваивала уроки социалистической пропаганды и искала формы политической организации - от террористических до реформистских.

Гласность, открывшаяся с подготовкой великих реформ Александра II, наряду с общей либерализацией атмосферы в России, породила небывалую политическую активность. К концу XIX века в стране имелось немало нелегальных организаций, занятых пропагандой освободительных идей. Быстрый рост партийных институций после 17 октября 1905 г. еще более обострил информационное противостояние политических сил, прежде всего между радикалами и властью, а также между политическими структурами. Их участники и сочувствующие использовали богатый арсенал средств, доступный в эпоху научно-технического и индустриального прогресса. Наряду с не потерявшими особую силу

дискуссиями в кружках, воскресных школах, на вечеринках и т.п., большую популярность и растущее воздействие имели ожесточенные дебаты в легальной и нелегальной периодике, распространение прокламаций с использованием всевозможной множительной техники, партийные и межпартийные форумы, митинги, участие в избирательных кампаниях, личная переписка и т.д. Противостояние власти в сочетании с перипетиями внутриполитической конкуренции оппозиционных сил составляли значительную часть общественного пространства России.

Именно с пореформенного периода в политическую деятельность все больше вовлекались женщины. Это в полной мере можно отнести к сестрам Смидович – Ольге (1869-1946) и Инне (1870-1942). Род потомственных дворян Смидовичей имеет прошлое, достойное уважения и внимания. В нем переплелись многие драматические коллизии отечественной истории, наглядно проявились лучшие качества россиян – глубокая любовь к Родине, гражданская ответственность и бескорыстная преданность любимому делу, отзывчивость и сострадательность души. Наиболее известны большевик Петр Гермогенович Смидович (1874-1935) и писатель Викентий Викентьевич Вересаев (Смидович, 1867-1945) [1].

Первый из известных предков Смидовичей, Иван, в 1700 г. получил польское дворянство и в 1707 г. участвовал в избрании польского короля. Как удалось выяснить с помощью работников Главного архива древних актов в Варшаве, в польских изданиях - «Собрании фамилий дворянства с описанием гербов» (Луцк, 1790. С.469) и «Свидетельстве о гербах дворянских фамилий и Великого княжества Литовского с 1789г.» (с.107) - Смидович упоминается без описания герба и информации о родственниках. Кроме того, в «Перечне польских дворянских фамилий» С. Староконь-Каспжеского (Т.XI. С.272) также содержатся сведения о Смидовиче из Шмидувки в районе Добромил. Один из внуков Ивана - Михаил участвовал в восстании 1830-1831 гг. и был изгнан из Польши, его потомки служили в русской армии и на различных государственных должностях.

Как правило, в России оказывались те из участников восстания, которые не играли в нем активной роли, не участвовали в политических делах за границей, демонстрировали политическую благонадежность и к тому же не имели средств к существованию в Польше.

Викентий Михайлович, портупей прапорщик Бутырского пехотного полка, принял православие и поступил на военную службу. За участие в Кавказской войне в 1830-1831 гг. он был награжден орденами Святой Анны IV степени и с бантом. 17 мая 1841 г. на основе факта владения его предками недвижимым имуществом в Польском королевстве по решению Подольского дворянского и Тульского дворянского депутатского собраний получил подтверждение своего дворянского состояния. Штабс-капитаном вышел в отставку и купил небольшое имение в с. Теплое Крапивенского уезда (ныне Тепло-Озеровский район) Тульской губернии. В 2004 г., в год 130-летия со дня рождения П.Г. Смидовича, исполнилось тоже 130 лет со дня освящения Свято-Иверского храма, построенного Викентием Михайловичем в Теплом. В.М. Смидович женился на Елизавете Богдановне Хвощинской. Его старший сын – Николай Викентьевич унаследовал имение, затем продал его и с семьей переехал в Минскую губернию. Другой сын - Гермоген – поступил в акцизное управление и поселился в местечке Сено Могилевской губернии. Вначале 1870-х гг. он женился и после повышения по службе в должности акцизного надзирателя переехал в г. Рогачев.От Михаила Смидовича пошли две ветви — «белые» и «черные» Смидовичи. К первым принадлежал В.В. Вересаев, ко вторым — П.Г. Смидович. Как писал Вересаев, «белых» отличали культурность, корректность, щепетильная честность («чисто белая деликатность», как говорили Смидовичи) и в то же время отсутствие активности и инициативы, неверие в свои силы, робость перед жизнью, трудное сближение с людьми.

«Он известен как до щепетильности корректный человек…», - писал В.И. Ленину о Вересаеве в 1914 г. московский большевик И.И. Скворцов-

Степанов. «Черные» же Смидовичи выделялись бесстрашием перед жизнью, большой активностью и постоянным ожиданием всего самого лучшего, хорошими организаторскими способностями и умением легко сходиться с людьми. Но в них присутствовали и неразборчивость в средствах, грубость и самоуверенность. Все они испытывали многообразное и сильное взаимное влияние [2. С.6-7].

В семье «черных» Смидовичей было 7 детей. Родители - надворный советник Гермоген Викентьевич (1837-1905) и Мария Тимофеевна (урожденная Барановская) в 1874 г. жили в г.Рогачево Могилевской губернии. Богатая тульская помещица Ольга Богдановна Курбатова оставила любимому племяннику Гермогену два из своих имений в Тульском уезде - Зыбино и Щепотьево. В Зыбино был большой дом, где она жила и умерла. Выйдя в отставку, Гермоген Викентьевич в 1876 г. переехал в Зыбино, надолго ставшее родовым гнездом Смидовичей. До этого он уже владел соседним сельцом Грековo. В целом ему принадлежало около 170, а в 1903 г. – 355 десятин угодий. Однако «оскудение центра» в конце XIX в. задело и имение Смидовича, тем более что хозяином он оказался никудышным, что признавали и он сам, и все родные. Как рассказывал его двоюродный племянник В.В. Вересаев, на глазах «все постепенно ветшало, ползло, разваливалось». Оборотного капитала не было, чтобы жить, приходилось продавать на сруб лес и участками саму землю. В автобиографии Петр Гермогенович писал о своем детстве: «Нас было семеро - один за другим. Родители — почтенного возраста. Мать энергичная и неутомимая — вся в хозяйстве и в полном нашем материальном обслуживании, отец — угрюмый и одинокий человек, — или молился у себя в кабинете, или занят управлением хозяйства, в котором ничего не понимал и ничего сделать не умел. Все разваливалось. Не до нас им было» [3].

Смидовичи. В центре: Мария Тимофеевна и Гермоген Викентьевич; стоят (слева направо): Викентий, Инна, Петр; сидят (слева направо): Ольга, Мария; (на первом плане) Федор и Николай. 1880-е годы.

Детей Г.В. Смидовича объединяли взрывной характер, эмоциональность, высокая порядочность и ответственное отношение к делу. Так, Викентий Гермогенович, одно время служивший интендантом на военных складах в Москве, оказался, как выяснило следствие, единственным работником, не замешанным в кражах. Никто из них, кроме Петра, не курил, все любили природу, шахматы, музыку, литературу и физический труд. Уже в юношеские годы они с увлечением читали Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Канта, Милля, Маркса, Спенсера, Дарвина, Писарева, Лессинга. Бунтарский дух брата Петра тоже сыграл свою роль. Тульская казенная гимназия «с чеховскими педагогами, с беспросветными» латынью и греческим, хождением в церковь, нивелирующей индивидуальность дисциплиной, была чуждой по характеру и навязываемому образу жизни для способного и считавшегося одним из первых ученика. Все свои силы он направлял «на надувательство (педагогов), на защиту своей свободы». Дело кончалось постоянным карцером, особенно в старших классах. Родители и педагоги безуспешно

пытались приучить его к религии. Однажды беспокойный гимназист даже взломал замок камеры и погнался за инспектором, чуть не побив его. Дело было замято, очевидно, потому, что и сами учителя, и ученик чувствовали, что «здесь было больше глупости, чем злобы», т.к. «все, что запрещалось - считалось нужным и важным» для юного максималиста [1. С.13-14].

Ольга и Инна, оказавшись в окружении деятельных братьев и их друзей, которые вместе выпускали рукописный журнал, рассуждали о цели жизни и мечтали о необычном предназначении, быстро увлеклись социалистическими идеями и приняли участие в политической пропаганде или, как сказали бы сейчас, информационной войне. В 1880 г. сестры поступили в Тульскую женскую гимназию. К этому времени родители продали лес в Щепотьево, купив на вырученные деньги в Туле 2-х этажный дом по Стародворянской улице. На 1-м этаже жила семья, 2-й сдавался. Инна в 1892 г. училась в Петербурге на Рождественских курсах. Она с восхищением рассказывала брату о лекциях П.Ф. Лесгафта и его удивительной работоспособности, досадовала, что студенческие встречи ограничиваются танцами и вечеринками: «Редко, если завяжется какой-нибудь общий разговор».

Сходство жизненных взглядов и идейных ориентиров связывало Петра и с Ольгой. В 1892 г. она писала ему об оживлении студенческого движения в столице. На вечерниках с рефератами и в дебатах выступали профессора Милюков, Гамбаров, Кареев, выделялись студенты Чернов, Шингарев, Тесленко. Молодежь участвовала в помощи районам, пораженным холерой, устраивала столовые, «и вообще не в узком смысле, а идейно работала для народа. Вопросы о положении крестьян - экономическом, умственном, нравственном, об отношении интеллигенции к народу и наоборот, об обязанностях, о целях и т.п., все эти вопросы тут самые животрепещущие». Ольгу и Петра раздражали студенты — «прожигатели и балбесы», барышни, у которых только «костюмы, подвивки, разговоры о кавалерах в полной силе» и которые способны на доброе, но не имеют принципов. Хотя в целом

студенчество, как они сами признавали, в большинстве своем было настроено «революционно в самом широком и туманном смысле слова» [1. С. 18, 17; 3. Д.27. Л.1]. Этого оказалось достаточно, наряду с юношеским опытом общения, чтения и раздумий, наблюдениями за изрядными и очевидными неустройствами жизни, чтобы сестры Смидович взялись за распространение социалистический идей, противопоставив себя власти в рядах революционеров.

Инна была особенно яркой и самобытной. В 1902 г. полицейские агенты так описывали ее внешность: блондинка среднего роста и телосложения с темными глазами, худая, лицо чистое, бледное, нос небольшой, носит пенсне в белой оправе. Недурна, на вид 26-28 лет (тогда ей было 32). Темперамент, завидная энергичность и дерзость И. Смидович проявлялись во всем и на протяжении всей жизни. Непримиримая позиция в конфликте курсисток с начальством привела ее к отчислению. Сначала девушки отказались подписать адрес директору по случаю 25-летия его трудовой деятельности из-за того, что подчиненные «перед ним на задних лапках танцуют». Потом последовал их протест против оскорбления директором одной из девиц, что после разбирательства привело к угрозе исключения 40 человек. Часть из них после переговоров согласилась возвратиться, другие были выдворены на родину. Среди непокорных оказалась и Инна, как главная виновница всей истории.

Вернувшись из Петербурга, Инна решила реализоваться в общественно полезной работе и устроилась в село Папоротки Богородицкого уезда попечительницей от общества Красного Креста.

Она занималась раздачей хлеба бедным крестьянам, заведовала пекарней, объезжала имения волости для сбора сведений о наиболее нуждавшихся в помощи. По выданным ею свидетельствам крестьяне покупали дрова и крупу в уездном центре по сниженным ценам. Инна раздала крестьянам 5 лошадей, купленных на личные и общественные средства. При этом она не упускала возможности для распространения и чтения книг среди

крестьян и их детей, что вызвало подозрение со стороны полиции. Примерно через 2 месяца Инна Гермогеновна Смидович была отстранена от заведования пекарней общества Красного Креста и снова уехала в столицу.

Здесь созрело решение продолжить учебу в Швейцарии, на медицинском факультете Бернского университета. 16 сентября 1893 г. она выехала из России. «Прощай, Питер, прощай Россия, прощайте все, быть может на 4, на 5 лет... Это страна свободы — что-то она мне даст?» — писала Инна перед отъездом в Швейцарию двоюродной сестре Марии Викентьевне в Тулу [1. С.24]. Правда, вскоре оказалось, что буржуазное благолепие – лишь призрачный манок свободы.

Во время приездов на каникулы Инна распространяла привезенную из-за границы литературу, «бегала по богатеям» и хлопотала о помощи нуждающимся русским студентам в Швейцарии. Вместе с Петром она устраивала студенческие вечеринки, на которой, в частности, осенью 1894 г. ораторствовал один из будущих лидеров кадетов А.И. Шингарев. Он, в отличие от Инны, упиравшей на работу среди интеллигенции, выступал за агитацию крестьян и решил на свои средства открыть больницу в собственном имении в Воронежской губернии. В конце концов, дискуссанты пришли к компромиссу — желательны оба направления работы. Полиция осенью 1894 г. причисляла Инну к членам кружка социал-демократов столицы, в который входили также С. Радченко, П. Запорожец, А. Малченко, В. Ульянов, К. Бауэр, М. Сильвин, Ф. Ленгник, будущий муж Инны Михаил Леман и др. Во время ежегодных каникул она также ездила в Саратов, Самару, Нижний Новгород, Тулу, Москву и Петербург, распространяя там изданные за границей брошюры, встречаясь с участниками общественного движения, в т.ч., например, с М. Туган-Барановским. После окончания учебы уже в качестве домашней учительницы 17 мая 1896 г. Инна была арестована по делу о пропаганде среди рабочих столицы и освобождена 10 марта 1897 г., с подчинением особому надзору в Тульской губернии [1. С.25].

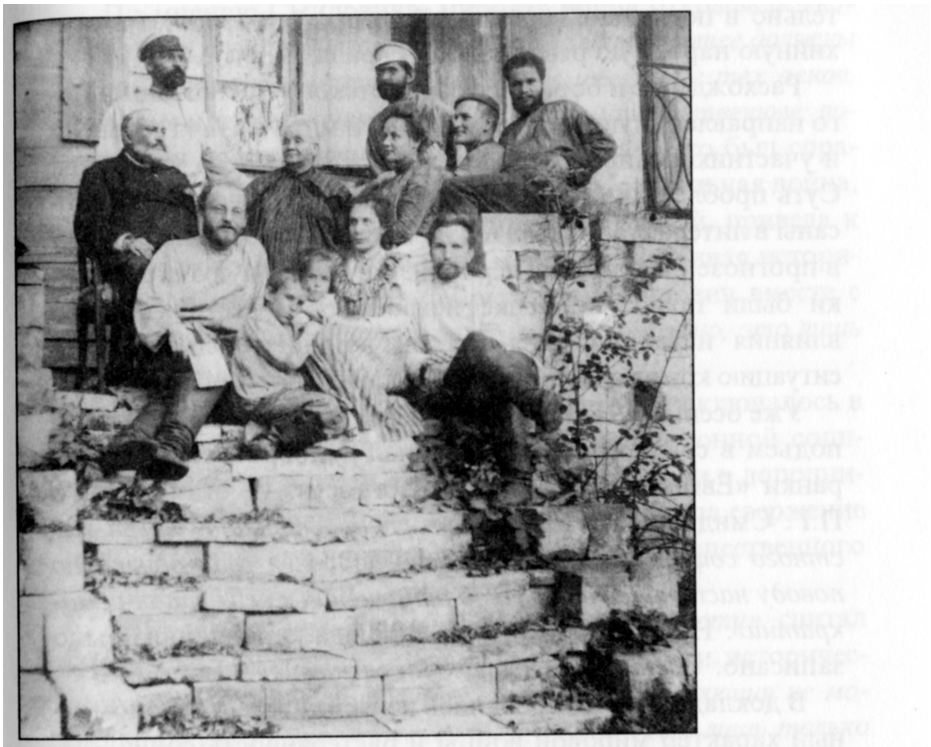
Не отличалась особой благонамеренностью с точки зрения сторонников власти и Ольга Гермогеновна Смидович: ее попытки читать книги рабочим предприятия И.А. Головина в Туле [8] хозяин быстро прекратил, сославшись на возможные неприятности от наводившего о ней справки урядника.

Ольга Гермогеновна родилась с физическим дефектом и всю жизнь хромала. Это была высокая крупная, черноволосая женщина с серо-голубыми глазами и пикантным носиком. В 1895 г. она училась на педагогических курсах в Москве и активно помогала брату в организации рабочих кружков, сборе денег ссыльным, на создание сельских библиотек, проведении сходок тульского землячества, вела переписку с товарищем В. Бурцева И. Бланковым, обучавшимся вместе с И.Г. Смидович в Цюрихе. Власти запретили ей работать учительницей в Москве, и Ольга Гермогеновна уехала к родителям, где давала детям частные уроки в соседних имениях. «Очень похожая по нравственному складу на брата», она, тем не менее, не представляла серьезной опасности для полиции, а ее явная неконспиративность использовалась для разоблачения подпольщиков. Через О.Г. Смидович, жившую в Москве в 1896 г. у С.С. Якобсон, которая была учительницей воскресной женской школы при Прохоровской Трехгорной мануфактуре, Петр Гермогенович познакомился со своей первой женой Екатериной Семеновной Даниловой.

В феврале 1897 г. она была привлечена к следствию по делу «Рабочего союза» в Москве и выслана в Тулу.

Ольга и Петр Смидовичи

Вообще, проблемы народного просвещения интеллигенция тогда связывала с вопросом о власти, а сама власть в общественной просветительской инициативе видела угрозу. О.Г. Смидович в 1898 г. вместе с приятельницей Софьей Якобсон намеревалась издавать журнал для рабочих. Сотрудничать в нем согласился В.В. Вересаев, который принял активное участие в общественной деятельности (общество «Помощь», комиссия общества литературной пропаганды среди рабочих и т.д.). В апреле 1901 г. он был уволен из Боткинской больницы, где служил врачом, и объявлен политически неблагонадежным. Вместе с К. Бальмонтом, П.П. Лесгафтом, П.П. Масловым и др. он на два года был отлучен от столичной жизни и уехал к родителям жены в Зыбино, где состоял под негласным надзором полиции.



М.Т. и Г.В. Смидовичи с детьми и племянниками. На переднем плане — В.В. Вересаев, его жена Мария и брат Николай. 1890-е гг.

В квартире Ольги Гермогеновны было организовано печатание прокламаций на гектографе. Выпуск прокламаций Московского комитета РСДРП типографией, которой занимались О. Смидович, Шестакова и М.И. Морицовна-Лукашевич в 1899 г., настолько выводил из себя обер-полицмейстера Д.Ф. Трепова, что подчиненным приходилось «с пузырьком в руках с нашатырным спиртом» стоять около него. Из-за такой «нервозности» начальника полиция, не дожидаясь сбора всех подозреваемых, арестовала Смидович в ночь с 11 на 12 апреля 1899 г. вместе с А.М. Лукашевич, А. Карасевой и рабочими Шестаковым, Павловым, Николаевым, Афанасьевым, которых они привлекли для занятий в кружках. Под стенным календарем при обыске у Ольги были найдены листовки. Кроме того, были изъяты гектограф и материалы для работы на нем, готовая прокламация с призывом к забастовочной борьбе, составленная ею и А.В. Луначарским программа для сбора статистических сведений на предприятиях, которую группа намеревалась реализовать с помощью рабочих. К тому же на квартире Ольги Гермогеновны, преподававшей на курсах для рабочих на Остоженке, проводились занятия

по общеобразовательным предметам и политические беседы. Здесь О.Г. Смидович проявила «крайнее направление» взглядов на положение рабочих и социальное устройство общества. Работать на гектографе ее научил рабочий типографии И.Д. Сытина Павлов, который к тому же принес все необходимое для печати. Воспользовавшись текстом Г.В. Плеханова, группа издала «Майский листок» и намеревалась подготовить маевку рабочих. Все это и послужило поводом для полицейской акции. Были арестованы также супруги Софья Николаевна и Платон Васильевич Луначарские, Лукашевич и двое рабочих.

Меж тем осенью типография перекочевала в Тамбов, где жил знакомый О.Г. Смидович инженер-технолог Ф.А. Данилов. Вместе с женой Екатериной Семеновной, частным землемером потомственным дворянином Тульской губернии В. Новодворским, С. Сметовым и А.И. Елизаровой (член первого Московского комитета РСДРП, сестра В.И. Ленина) они пытались продолжить работу, но были обнаружены полицией. Спрятанные у Новодворского детали типографского оборудования были доставлены в Москву его матерью после ареста отца Новодворского в декабре 1899 г. Однако еще летом 1900 г. нелегальная типография, организованная арестованной к тому времени О.Г. Смидович, продолжала действовать благодаря студентам Лесного института в пригороде Лисино.

Несмотря на глубину культурного разрыва между рабочими низами и интеллигенцией, именно ее пропаганда вносила в массы идею активного сопротивления властям и мессианского предназначения пролетариата. В начале 1901 г. Ольга Гермогеновна Смидович за пропаганду среди рабочих была вновь выслана из Москвы, теперь уже на 3 года в Вологодскую губернию. С 1904 г. ей было запрещено в течение 5 лет жить в столицах, и она уехала в Зыбино. В 1913 г. она опять привлекалась полицией за ведение социал-демократической пропаганды среди рабочих Москвы. Вероятно, к 1917 году политический этап в судьбе Ольги был завершен.

Ее личная жизнь сложилась неудачно. Всегда спокойная и

выдержанная, Ольга Гермогеновна из-за конфликта с мужем однажды даже попыталась отравиться. В 1923 г. она уже не работала и много помогала заниматься с детьми братьям Викентию и Николаю, но в конце жизни сильно страдала от одиночества.

Ольга Гермогеновна Смидович с детьми; слева племянники — Наташа, Толя, Галя.

Меж тем из-за сотрудничества с журналом для рабочих, который намеревались издавать в Москве Ольга Смидович и Софья Якобсон, а также из-за участия в закрытом полицией в сентябре 1898 г. обществе «Помощь» и редакционной комиссии общества литературной пропаганды среди рабочих, из которой он вышел вследствие разногласий между народниками и марксистами, был под подозрением и В.В. Вересаев [1. С.30-36].

За границей в одно время с Инной находилась ее двоюродная сестра Мария Викентьевна Смидович, после окончания Тульской фельдшерской школы учившаяся на медицинском факультете Цюрихского университета. В горной академии Фрейберга тогда же учился ее брат Николай. Сестра Елизавета получала образование в частном пансионе иностранных языков М.А. Лохвицкой[1] в Петербурге, другая сестра Анна училась там же на Высших женских курсах, Викентий (Вересаев) работал в Туле. Брат

[1] В 1897 г. в Санкт-Петербурге была открыта частная женская гимназия баронессы М.А. Лохвицкой-Скалон, выпускницы Бестужевских курсов. 15 сентября 1903 г. на базе гимназии открылись двухгодичные Высшие женские курсы.

Михаил был горным инженером и работал в Харькове, а затем управляющим на каменноугольных рудниках Алексеевского горнопромышленного общества в Области Войска Донского, сестра Юлия жила с матерью и была учительницей во 2-й женской гимназии г. Тулы. По данным полиции, М.В. Смидович принадлежала к киевскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса», вела переписку с его членами и вместе с Петром планировала приехать из-за границы в Тулу «как кассир Сибирской кассы и как агитатор среди рабочих Тулы». В 1897 г. она вернулась домой из-за болезни, но в марте 1898 г. была арестована, находилась в заключении в Киеве и только из-за плохого состояния здоровья была отдана на поруки матери под залог в 1500 руб. С лета 1898 г. Мария работала в земской больнице г. Новоржев Псковской губернии, где с июня 1900 г. в течение 2 лет оставалась под надзором полиции, причем проявила себя безукоризненно и как в высшей степени добросовестный, с большим знанием дела, специалист. Она жила на жалованье 500 руб. в год и не имела имущества.

В 1900 г. мать Марии, Елизавета Павловна, дважды обращалась к директору Департамента полиции с просьбой разрешить дочери приехать в Тулу для свидания с матерью и затем поехать учиться за границу. Но власти сочли возможным разрешить ей дальнейшее образование только в марте 1902 г. - по окончании срока гласного надзора. В конце июля 1902 г. Мария уехала учиться, хотя и после получения звания доктора медицины в Цюрихском университете в январе 1905 г. оставалась под гласным надзором как личность «крайне сомнительной политической благонадежности», особенно из-за родства с Вересаевым, Петром, Инной и Ольгой Смидовичами.

Интересно, что мать В.В. Вересаева – Елизавета Павловна (1844-1912) – была одной из первых выпускниц курсов известного немецкого педагога Ф. Фребеля в Москве и в 1872 г. на свои средства открыла в Туле первый детский сад, отдав в его распоряжение три лучших комнаты в собственном

доме. Энергичная, образованная, глубоко религиозная, добрая воспитательница учила детей от 3 до 7 лет счету и чтению, лепке, рисованию, музыке и гимнастике. Заведение просуществовало лишь три года, поскольку заработка мужа для его дальнейшего содержания не хватило [2].

И.Г. Смидович (по мужу Леман) между тем стала первым секретарем редакции «Искры», пока не приехала Н.К. Крупская. В октябре 1900 г. Инна, которую в Департаменте полиции знали как Загорскую-Димку-Дымковскую-Дымкевич-Байнову, приехала в Мюнхен, где ее с нетерпением ждал В.И. Ленин, не справлявшийся с растущей перепиской «Искры» с авторами и организациями. «Я временами изнемогаю и совсем отвыкаю от своей настоящей работы», — жаловался он в письме П.Б. Аксельроду в Цюрих 18 октября. Судя по другим его письмам к Аксельроду, Инна Гермогеновна везла из Цюриха материалы для газеты.

Однако работа в качестве секретаря «Искры» в ноябре 1900 г. затормозилась из-за «серьезных семейных обстоятельств», как писал Ленин [4. С.50, 52, 62, 69-71, 483]. В это время у нее должен был родиться ребенок. Точную дату рождения сына Валерия установить не удалось. По данным полиции, в Берлине, где в 1901-1902 гг. жила Инна Гермогеновна, ее сын был прописан под именем Николай как родившийся 3 апреля 1899 г. Так или иначе, с помощью родных и товарищей Инне удавалось справляться с материнскими обязанностями, не оставляя политической деятельности. Валерий часто жил в Зыбине вместе с детьми братьев Инны Гермогеновны. В 1917 г. или 1918 г. юноша исчез при невыясненных обстоятельствах.

Оставив пост секретаря «Искры», И.Г. Леман выполняла поручения редакции, организуя группы сторонников газеты среди российских политэмигрантов в Германии, ездила в Россию для согласования действий и объединения искровцев.

В конце 1901 г. она была направлена в Россию. В связи с этим Ленин отменил вызов агентов «Искры» за границу и поручил Инне отстоять его план организации искровцев в России через создание общего

Распорядительного Комитета. Южная организация «Искры» однако стремилась сосредоточить в своих руках все районные связи. Димке поручалось созвать совещание практических работников и определить его общую позицию. Встретившись в Киеве с «южанами», Инна Гермогеновна с удовольствием констатировала в письме в редакцию, что серьезных разногласий и противоречия интересам «Искры» не встретила. Главную проблему составляло преодоление влияния т.н. «экономистов», выступавших против политизации рабочего движения. Леман-Димка побывала в Москве, Одессе, Кишиневе, Харькове, Петербурге, Пскове, Воронеже, занимаясь вопросами издания и распространения «Искры», сбором средств на эти цели.

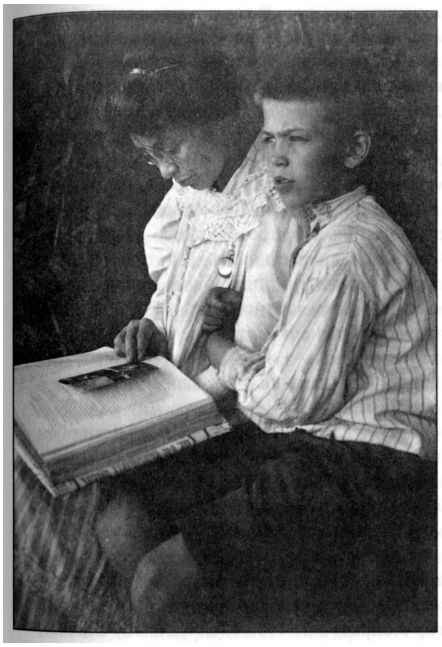
После встречи с Н.Э. Бауманом в Москве она убедилась, что именно здесь дело ведется «разумнее всего и основательнее всего». Добиваясь объединения социал-демократов вокруг ленинского организационного плана, она надеялась, что в Москве усилиями Грача — Баумана, И.В. Бабушкина и других товарищей сторонникам газеты удастся стать «господами» положения в рабочем движении.

Инна с возмущением писала в январе 1902 г. Ленину о согласии членов Московского комитета (Л.М. Хинчук, С.Л. Вайнштейн, И.А. Теодорович) приобрести литературу «противников» — «Рабочего дела» и группы «Свобода». «Невероятную глупость» и «промах», как она это охарактеризовала, ей все же получилось исправить.

После ее возвращения в Киев в начале 1902 г. состоялось общее собрание искровцев. Здесь Леман все же не удалось добиться понимания с членами южной группы, которые все-таки намеревались отстаивать свой план. Окончательное решение было отложено по ее настоянию до приезда из Москвы Баумана. Из-за несогласованных действий затормозилось не только организационное сплочение, но и доставка нелегального транспорта «Искры» - на границе к этому времени скопилось около 20 пудов литературы. Оказалась без связей и тульская группа искровцев, в которую в 1901-1902 гг.

входили А.Д. Цюрупа, Л.М. Хинчук, А.Г. Шлихтер, С.Н. и П.В. Луначарские. Но решить все эти проблемы оказалось непросто. Накануне приезда Баумана в Киеве были арестованы И.Б. Басовский, В.Н. Крохмаль, в Кишиневе - Л.И. Гольдман. Уцелела только И.Г. Леман, успевшая скрыться за границу и прослывшая к тому времени в полиции как «очень серьезная революционерка» [4. С.163; 5. С.109, 191, 195, 259-264].

И.Г. Леман, отправив еще в 1901 г. сына к родителям в Зыбино, создавала кружки самообразования из наиболее радикально настроенной части русской колонии в Берлине, ставившие целью подготовку революционеров. На энергию и ответственность Димки Ленин рассчитывал, обсуждая в переписке с Н.К. Крупской (июль 1902 г.) возможности организационного сплочения искровцев. Ей не раз приходилось нелегально пересекать границу, выполняя задания «Искры». «Ради Бога, будь осторожной», — всякий раз просил ее муж.



И.Г. Смидович-Леман с сыном

И.Г. и М.Н. Леманы (находившийся на нелегальном положении в России муж Инны выехал в Берлин в 1901 г.) возглавляли группу «Искры» и «Зари», или «Лиги русских социал-демократов» в Берлине наряду с Е. Левиди, М. Вечесловом, Ф. Гуревичем и М. Бахом, М. Безруковым, А.Елизаровой, П. Смидович, А. Калмыковой, М. Шерговым и Е.

Флеровым. Они редко бывали в русской студенческой колонии, которая служила центром общения соотечественников, и усиленно занимались партийной работой, предпочитая ограничивать свои контакты с россиянами распространением социал-демократических изданий. Группа имела свою нелегальную библиотеку и склад революционной литературы, при каждом удобном случае переправляя ее в Россию. На нелегальных собраниях, как правило, обсуждались рефераты «в духе программы» социал-демократов.

Осенью 1902 г. полиция установила личность Димки Байновой - И.Г. Леман и ее родство с П.Г. Смидовичем, а затем и того, кто скрывался под именем Соколовского-Аврамова-Байнова — ее мужа. Этот высокий, худощавый блондин 35-38 лет с бледным лицом и впалыми щеками, остроконечной маленькой бородой, часто довольно небрежно одетый, не считался в полиции опасным политическим деятелем. Бывший народоволец, завербованный охранкой и достигший к 1900 г. чина титулярного советника, глава Берлинской агентуры Департамента полиции А.М. Гартинг писал в столицу, что дворянин М.Н. Леман «играет серьезную, но второстепенную роль среди искровцев. Он довольно плохо формулирует свои мысли, несколько вял и хорошо работает только под руководством более активных лиц, в то время как его жена, Инна Леман, считалась особенно талантливой и активной революционеркой». В конце 1902 г. ее муж был арестован и заключен в Киевскую тюрьму. Разочаровавшись в политической деятельности, позже он настаивал на отказе от участия в ней жены, но Инна Гермогеновна выбрала революцию. Семья распалась.

И.Г. Леман была арестована в 1902 г. в Кременчуге и содержалась в Киевской тюрьме. В январе 1903 г. она бежала. 31 января 1903 г. недавно приехавший из Петербурга в Берлин П.Г. Смидович, встретившись в театре с М. Вечесловом, сообщил о получении двух писем от сестры с известием о побеге из Киевского жандармского управления. Новость вызвала «искреннюю радость Вечеслова».

По данным полицейской агентуры, ее побег был заранее подготовлен и вполне точно описан в журнале «Освобождение», № 16. Об этом и об обстоятельствах операции провокатор услышал от П.Г. Смидовича. Сама Инна Гермогеновна подробно рассказала о ней, приехав в Берлин 20 февраля. Берлинская группа большевиков, как следует из документов Департамента полиции, доверяла занимавшему видное место в местной организации «Искры» Якову Житомирскому (он работал на немецкую полицию и вскоре был завербован Гартингом), и он часто присутствовал на самых важных обсуждениях, тесно общался с семьями революционеров. Видимо, именно от него были получены сведения И. Леман. В.В. Вересаев описал эту историю в рассказе «Два побега».

Задолго до операции Инна продумывала всевозможные планы ее устройства, но сделать это, находясь в тюрьме, было невозможно. Поэтому было решено бежать из жандармского управления. Так как Леман категорически отказалась давать показания, нужно было найти повод для вызова в управление. С этой целью она попросила у начальника Киевского жандармского управления генерала В.Д. Новицкого встречи с сыном, чтобы бежать со свидания, но получила отказ.

Пришлось добиваться приема у Новицкого уже для объяснений по поводу отказа, но и тогда Инну Гермогеновну не вызвали в управление, ограничившись направлением в тюрьму чиновника. В конце концов, И.Г. Леман решила обратиться к Новицкому с требованием предъявления всех пунктов обвинения, и это подействовало — 26 января ее вызвали в жандармское управление. Захватив платок, одев поверх кофточки ротонду, шляпу и водрузив на нос пенсне, она после чтения обвинений вновь отказалась от дачи показаний и попросила отвести ее в клозет.

Здесь Инна оставила шляпу, ротонду, сняла пенсне, одела платок и спокойно, в развалку пошла через длинный двор. Т.к. ничего со стороны киевских революционеров для этого побега подготовлено не было, ей

пришлось долго блуждать в поисках извозчика и надежных товарищей. Только в 10 часов вечера удалось решить эту проблему.

Почти две недели после дерзкого побега И.Г. Леман жила в Киеве и «ежедневно гуляла по Крещатику, шикарно одетая, постоянно об руку с каким-нибудь тоже изящно одетым мужчиной, причем об руку она ходила, т.к. боялась одевать пенсне, а без него она очень плохо видит», — писал директору Департамента полиции А.М. Гартинг. Затем она и еще 5 человек, также бежавших из тюрем, перешли границу около Лемберга. Тут они наткнулись на неподкупленный пограничный объезд, который обстрелял их. Все врассыпную перебежали, «и Леман, хотя была почти без сил, спаслась только благодаря поддержке контрабандиста, который их вел». Вскоре она уехала в Париж, где по заданию лондонской Лиги занималась составлением разных брошюр, по пути встретившись с мужем и сыном в Швейцарии.

Кстати, генералу Новицкому, сокрушавшемуся о том, что подведомственный ему Киев издавна сделался «центром всяческих революционных кружков и преступных сообществ и замыслов», был поручен также «тяжелый, ответственный розыск по всей западной границе и всех пограничных пунктах на западной полосе России». С конца 1870-х гг. он решительно боролся со «злоумышленниками», используя самые разные способы – от казни повинных в убийстве жандармов («восьми человекам, над которыми совершены были приговоры в Киеве, были закрыты глаза на вечность мною») до вербовки революционно настроенных студентов при помощи их родителей [10]. В случае с И. Леман удача оказалась не на его стороне.

О побеге быстро стало известно. 28 января 1903 г. профессор В.В. Водовозов писал из Киева в столицу профессору В.И. Семевскому по поводу происходивших там событий: «Слух о погроме в Киеве преувеличен. У нас в январе было 5 или 6 погромов, а не один, но все маленькие. В общем, арестовано всего 30-50 человек, не более. По-видимому, Зубатов (шеф московской охранки - Д.А.), который, по слухам,

недавно гостил в Киеве инкогнито, изменил систему погромов. Зато у нас есть побег, Смидович, кузина Вересаева; второй в этом году...».

Весной 1903 г. И.Г. Леман вместе с мужем, двумя детьми и сестрой М.Г. Вересаевой жила в Париже. Они участвовали в проводившихся там собраниях социал-демократов России, в том числе Мартова, Засулич, В.Н. Крохмаля и др., но к призывам о слиянии все четче обозначавшихся групп относились без одобрения. Мария Гермогеновна Смидович-Вересаева (1875-1963) , в отличие от своих сестер, никогда не занималась политикой и, став женой талантливого писателя, практически посвятила ему свою жизнь. Она всегда много помогала своим братьям и сестрам, в том числе в воспитании их детей. Тем не менее, в 1904-1905 гг. и она находилась под негласным наблюдением полиции [1. С.49-54].

После раскола в партии на II съезде РСДРП Инна вышла из редакции «Искры» и примкнула к меньшевикам. По данным заграничной агентуры Департамента полиции, она входила в «администрацию» созданной после II съезда меньшевиками «Новой Лиги» вместе с Л. Дейчем и Ф. Гуревичем, участвовала во II съезде «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии» на стороне меньшевиков и была секретарем Лиги. Вплоть до II съезда РСДРП Инна Гермогеновна и Петр Гермогенович работали вместе.

В 1905 году И.Г. Смидович-Леман состояла в нелегальной организации РСДРП в Крыму. После опубликования Манифеста 17 октября 1905 г. она выступила на митинге севастопольцев. Вместе с 26 другими активными его участниками Инна Гермогеновна подписала резолюцию, в которой говорилось о необходимости ходатайствовать перед правительством С.Ю. Витте об отмене военного положения и усиленной охраны в Севастополе, амнистии политзаключенных Черноморского флота и армии, а также об отмене запрета на участие в митингах нижних чинов флота.

30 октября 1905 г. Инна Гермогеновна выступила на митинге, посвященном участию рабочих в избирательной кампании в Думу и демократизации выборов. Она зачитала письмо арестованных матросов

броненосца «Потемкин». По ее предложению участники митинга высказались за то, чтобы добиваться их освобождения всеми средствами, не ограничиваясь телеграммами протеста в адрес правительства. Инна также призывала рабочих бороться за улучшение быта солдат и матросов, освобождение лейтенанта Шмидта. На митинге говорилось, кроме того, о задачах социал-демократов и эсеров. В тот же день главный командир гарнизона издал приказ о запрете сходок на открытом воздухе и явной антиправительственной пропаганды.

После подавления первой русской революции Инна Гермогеновна постепенно отходит от активной политической деятельности, оставаясь, тем не менее, довольно известной в кругах партии. Еще в феврале 1907 г. она сообщала известной революционерке В.И. Засулич (в эмиграции некоторое время она жила в одной общине с П.Г. Смидовичем, в 1907 г. стала противницей нелегальных политических организаций) о внутрипартийной борьбе в РСДРП в период избирательной кампании в Думу, критикуя меньшевиков за фактический отказ участвовать в ней, за «доктринерскую, нежизненную, обусловленную подпольными привычками позицию о «левом блоке», и констатирует разочарование и растерянность рабочих. «Столько и так долго говорили о черносотенной опасности и о необходимости соглашения с кадетами, что когда кадеты повернулись спиной, то оказались забытым решительно все, что голосовалось меньшевиками раньше о роли Государственной Думы, о значении самой избирательной кампании и т.д. и т.д. Ах, Вера Ивановна, - восклицала Инна, - до чего безумно грустно. Я приняла было участие в работах избирательной комиссии Петербургской стороны, и вот на глазах, осязаемо очевидно, меньшевики вырыли сами у себя почву из-под ног» (так в тексте – Д.А.). Летом 1913 г. она побывала в Полтавской губернии, продолжая активно интересоваться партийными делами.

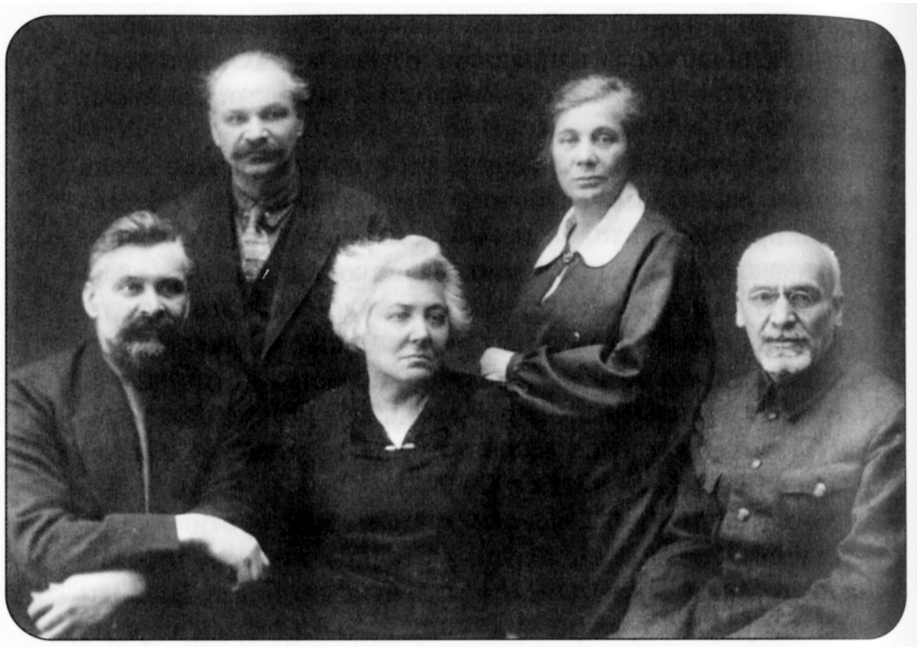
Некоторое время И.Г. Смидович находилась в эмиграции и примерно через год сообщала В.И. Засулич о своем возмущении статьями Ленина, о

дискуссиях в социал-демократической среде по поводу принципов объединения и о поражении на конференции большевиков, которые предъявили меньшевикам ультиматум из 29 пунктов, требуя их капитуляции. Но «международное бюро признало, что никаких разногласий, мешающих объединению, нет. Плеханов, группа «Вперед» (Алексинский) и все другие – за исключением ленинцев – составили общее воззвание к русскому пролетариату о необходимости объединения. Как ни как удалось изолировать эту банду от остальных групп». Об изменившемся отношении Инны к большевикам свидетельствуют и выдержки из письма Лурье (возможно, С. Лурье, соратник П.Б. Аксельрода): «Во-первых, иностранцы получили, наконец, уничтожающее представление об истинной физиономии ленинцев. Создалась такая атмосфера «изоляции реакции», что прямо невозможно, неприлично стало перед иностранцами поддерживать ленинцев хоть косвенно… Достигнуто, во-вторых, полное примирение Плеханова с августовским блоком, которому Плеханов, по-видимому, очень рад. Наша публика решила идти навстречу, строить золотой мост. Роза Л. [вероятно, Люксембург – Д.А.] извивалась змеей, должна была все же подписать соглашение. При личной встрече П.Б. [вероятно, Аксельрод – Д.А.] расскажет вам про ее забавные письма насчет «точности перевода революций».

Аксельрод, будучи в Берлине, вел переговоры с немецкими социал-демократами и выступал с докладами в русской колонии – «причины для него вполне достаточные, чтобы не спать и нервничать», - писала Инна, отмечая его «беспокойный бегающий взгляд и все время нервное подергивание губами». – Во время доклада «о современных моментах в связи с положением дел в нашей партии» он «вначале волновался, обрывал, не находил слов, затем наладилось и пошло хорошо».

Сама И.Г. Смидович в эти дни жила «как отшельница, на пустой квартире одних уехавших знакомых. Очень довольна, что удрала из пансиона, где меня изводили обедами и ужинами в определенные часы, -

признавалась она. - Теперь живу, точно не на земле. Никаких земных забот. Пью кофе всласть, ем, когда голод напомнит о еде и что подскажет мой вкус, причем большую роль в пище играют всякие фрукты…».



Братья и сестры П.Г. Смидовича (конец 30-х годов), слева направо: Федор, Николай, Ольга, Мария, Викентий.

В письме к В.И. Засулич из Цюриха, вероятно, летом 1914 г., она подробно рассказывала и о том, что устроила сына Вольку, как его называли дома, в школу для швейцарских мальчиков «на лоне природы. С мальчишками он сразу сошелся и очень весело проводит там время, бегают они там чуть не голышами, иногда прямо в одних штанишках по пояс голые. На каникулы поеду с ними на выставку в Берн, причем ночевать будут в сарае на сене, и сами будут варить себе в котлах пищу, затем отправятся в город». Ее волновали драки среди учеников, но Инна «решила ничего не предпринимать. …Воля заявил, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, что мальчики по его наблюдениям относятся к этому как к чему-то естественному и что он думает, что его все-таки воздержатся трогать, ибо был такой случай, что русского мальчика из-за такого казуса взяли из школы. …Если ударят его, да еще по лицу, как там водится, то, пожалуй, и сдачи получат; а после этого, несомненно, придется его взять». Чувствуя себя, поэтому не очень спокойно, Инна

констатировала: «… мои благие намерения воспользоваться свободой, чтобы позаниматься и поработать, пока что терпят участь тех благих намерений, которыми ад вымощен». Между тем Петр, приглашая Веру Ивановну Засулич в апреле 1915 г. на лето в родительскую усадьбу, где собирались отдыхать все его сестры с семьями, сообщал: «О последней сестре знаем слишком мало. Если бы было возможно залучить ее в Зыбино!» [1. С.60-63].

Ленин не простил Инне перехода к лидеру меньшевиков Ю.О. Мартову. В 1915-1916 гг. он довольно нелицеприятно характеризовал «Димку» в письмах М.М. Харитонову и И.Ф. Арманд. Вождь большевиков относил ее к числу политических противников — меньшевиков-«окистов», называя приятельницей Мартова. Резкие, даже уничтожающие характеристики были одной из довольно типичных форм взаимоотношений в РСДРП, и неудивительно, что обсуждение и осуждение меньшевиками, в том числе Рязановым, «Димкой» и др., неверных, с их точки зрения, действий большевиков, вызвало обвинение в сплетне [6. С.539, 11, 16, 157-163, 191, 243, 326-394, 447, 464].

После Октября 1917 г. Леман порвала с меньшевиками и осталась беспартийной. В ответ на запрос Крымского истпарта П.Г. Смидович 11 марта 1934 г. писал: «Это та самая «Димка», которая принимала участие в организации «Искры» и была секретарем «Искры» до приезда Н.К. Крупской» [7].

Приведенные выше эпизоды из биографий сестер Смидович относятся к периоду становления левых политических партий в России. Социальное неравенство, бедность, нищета, массовая безграмотность, незащищенность обездоленных слоев общества были очевидны и возбуждали стремление избавиться от несправедливости, особенно среди молодежи. Учащаяся молодежь, отличаясь более высоким уровнем знаний, активно участвовала в студенческих землячествах и всевозможных объединениях, которые находились под пристальным вниманием полиции и одновременно – левых партий. Студенчество, как известно, составило

основу террористических организаций, участвовало в политических демонстрациях, акциях протеста и т.п.

Описанные события наглядно показывают, как юношеское увлечение благодаря насыщенному и деятельному общению с политически мотивированными родными и друзьями, тесные неформальные связи и непосредственные контакты в сложной организационной и пропагандистской деятельности создавали неоднозначный, противоречивый мир отношений. Многие персонажи, с которыми пришлось взаимодействовать членам семьи Смидовичей, вошли в политический класс России накануне революции, имея подчас радикальные расхождения во взглядах и программных позициях. Несомненно, дискуссии и даже информационное противостояние, в которых они участвовали, борясь за влияние на разные слои общества и в конечном счете за власть, испытали на себе огромную силу сложившихся в этом круге отношений социально-психологического, образовательного, межличностного свойства.

При обращении к прошлому невольно напрашивается сравнение со злободневными проблемами нынешней информационной войны, пронизавшей практически все сферы общественной жизни, в т.ч. на международном уровне. Использование устного и письменного слова, доступных информационных ресурсов в борьбе против власти и в полемике с оппонентами в конце XIX – начале XX вв. практически исключало распространение т.н. фейков, провокационных слухов, искажение фактов, подлоги, циничной лжи и т.п. неприглядных способовнизвержения соперников и даже самых серьезных противников – как представителями власти, так и ее врагами. Понятия о чести, преданности делу и соратникам, верности принципам и долгу для многих, в т.ч. Смидовичей, как и для выдающихся защитников государственного строя, не были пустым звуком. Хорошо известно отношение революционеров к перешедшим в стан противника, как и блюстителей

порядка – к изменившим присяге сослуживцам. В то же время ожесточение внутриполитического соперничества быстро проявляло нравственные свойства его участников, что вполне очевидно из приведенных выше примеров. Но современные масштабы беспринципности в информационном пространстве, которые демонстрируют западные элиты, якобы издревле приверженные аристократизму, и их медийный персонал, вряд ли можно объяснить несопоставимым с прошлым уровнем развития и масштабами воздействия технических средств.

Короткий, но насыщенный романтическими переживаниями и сложными идейно-политическими поисками период в биографии некоторых женщин из семьи Смидовичей не сделал их профессионалами в политике. Информационные баталии, в разных формах которых пришлось поучаствовать сестрам Смидович, оказались значимой частью их молодости, интенсивного переживания сопричастности к общему делу и последующего личностного самоопределения. Стремление к деятельной самореализации, преодолению традиционного набора жизненных «маршрутов» дворянок, влияние ближнего коммуникативного круга и всей социокультурной динамики российского мира предопределили их женскую судьбу и оставили своеобразный отпечаток в истории русской революции.

Литература

1. Подробнее см.: Аманжолова Д.А. Горячо живу и чувствую: Петр Гермогенович Смидович – дворянин и революционер. М.: Картуш, 2006. 224 с.
2. Живая жизнь. Вестник Дома-музея В.В. Вересаева. № 3. Тула, 2005.
3. РГАСПИ. Ф.151. Оп.1. Д.1. Л.148.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд.5. Т.46. М.: Политиздат, 1975. 662 с.
5. Степанов В.Н. В.И.Ленин и русская организация «Искры» (1900-1903 гг.). М.: Мысль, 1968. 398 с.
6. IV (Объединительный) съезд РСДРП. Протоколы. М.:

Госполитиздат, 1959. 714 с.

7. ГА РФ. Ф.5408. Оп.1. Д.1. Л.27-28.

8. Электронный ресурс // Режим доступа: http://yasnogorsk.bezformata.ru/listnews/god-2011-j-golovini-na-zavode/1583389/ (дата посещения: 15.08.2018).

9. Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://biography.wikireading.ru/201841 (дата посещения: 15.08.2018).